

ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ

ДВЕ СУДЬБЫ

(О Евгении Буравлёве и Владимире Поташове)

// Огни Кузбасса. – 2006. – № 2. – С. 134-137.

Вот уже и полвека жизни минуло. Да и то полвека, если жизнь человеческую веком числить. И только у хороших и сильных людей, которые свершили на земле заметные миру добрые дела, есть у жизни продление – светлой людской памятью и долгой благодарностью потомков. Примеров тому множество. В этом небольшом очерке я хочу рассказать моим читателям о непростых судьбах двух одарённых людей, с которыми свела меня жизнь, а с одним из них подружила на долгие годы. Оба этих человека были несхожими по характеру, по своей жизненной биографии. И по возрасту они принадлежали разным поколениям: один прошёл войну, другой – родился в самом её начале. И прожили они разные сроки: первый умер в возрасте 53 лет, второй далеко не дожил и до сорока.

При всей разности в их судьбах было много общего: оба оступились в начале пути, оба сумели переломить себя, выйти на крепкую дорогу, оставить о себе добрую память. Я хорошо знал этих людей и потому беру на себя смелость утверждать, что не последнюю роль в их становлении, а может быть, и главную, сыграла их любовь к жизни, вера в человека и неистребимая страсть к творчеству, к добру и красоте. Оба были поэтами, хорошими поэтами, оставили после себя стихи и строки, которым суждена долгая жизнь. <...>

Мой второй рассказ – о Владимире Поташове, точнее – о Володе Поташове. Так мы звали его при жизни. Володей, молодым поэтом, он и остался в нашей памяти. Его портрет, написанный художником Германом Захаровым уже после смерти поэта, висел на стене одной из комнат нашей писательской организации. На нём Володя изображён в красной бунтарской рубаше с веточкой полыни в руке. Глаза его печальны и усталы. Небо над ним тревожно и напряжённо. Во всём художественном строе портрета – предвестие непоправимого. Посмотришь на этот портрет и сразу вспоминаются грустные строки Володи Поташова:

По небу птичья клинопись,
Земля с теплом рассталася.
Все птицы к югу двинулись,
Немногие остались.

И с ними сад заохренный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.

И холода не пройдены...
И косточки б погреть...

И некуда от родины
Единственной лететь.

Помню, появился он в нашем Союзе высокий, худющий, с заострённым лицом. Было в его фигуре что-то угловатое, мальчишеское. Держался он неловко, даже стеснительно. Впрочем, как в первые дни знакомства, так и потом, спустя несколько лет. Притулится в уголке на стульчике, молчит, наблюдает потихоньку, если, мол, не к месту пришёл – уйду. Одет более чем скромно – дешёвенькое пальтишко, кепка-таксистка, надвинутая на лоб. О себе сразу рассказал нам всё: недавно из мест заключения, пишет стихи, раньше кое-где печатался, была подборка стихов в журнале «Наш современник». Охотно, хотя и немного смущённо, прочитал несколько стихотворений. Стихи понравились. Попросил помочь с устройством на работу...

С той поры он частенько заглядывал к нам – то в Союз, то в редакцию альманаха. Приходил прямо с работы, иногда радостный, возбуждённый, а бывало – какой-то придавленный, усталый, с понурым взглядом. Некоторые из наших молодых вошли с ним в дружбу. Спустя немного времени в печати появились его новые стихи. Стихи крепкие, наполненные запоминающимися жизненными реалиями, без всякого нытья и обид на судьбу. Они запоминались <...>. Человек – хозяин своей судьбы. Два поэта, пройдя отмеренный им Богом путь, выдержали испытания, которые выпали на их долю, выдержали и не сломались. Моей душе дороги эти чистейшей совести люди. Две личности, две судьбы. И о них я написал эти строки:

У поэтов всё не слава Богу.
Не давая сердцу отдохнуть,
Рано собираются в дорогу,
Первыми заканчивают путь.

Умирают не в почётных креслах –
С верой и отчаяньем в глазах:
Кто известным, кто совсем безвестным,
Миру слово доброе сказав.

И ночами в космосе морозном
Не о них ли в дальнем далеке
Тихо разговаривают звёзды
На своём высоком языке?